

мелко битой античной керамики, вывезенной вместе с культурными остатками из Джанбас-калы. По всей территории встречаются обломки средневековых сосудов (IX—X вв.); особенно много их на грядах виноградников в юго-восточной части этого комплекса, где была обнаружена керамическая печь, датированная, на основании шурфа, IX—X вв. Таким образом, гипотеза Я. Г. Гулямова о большом кангюйском поселении у подножья Джанбас-калы не получила подтверждения.

По мнению Я. Г. Гулямова, большие магистральные каналы в Хорезмском оазисе появляются непосредственно вслед за культурой городищ VI—III вв. до н. э. (стр. 76), т. е. в так называемый «кангюйский период». Археолого-топографические изыскания выявили ряд больших раннеантичных магистральных систем, датированных архаическим периодом (VII—IV вв. до н. э.)⁶, что подтверждает сделанный С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме» вывод о строительстве основных ирригационных систем Хорезма в ахеменидское время⁷.

Несмотря на спорность некоторых выводов автора, труд Я. Г. Гулямова имеет очень большое значение для решения многих вопросов истории материальной культуры среднеазиатских народов. Он содержит ценные археологические и этнографические материалы, которые уже широко используются в обобщающих работах по истории и этнографии Средней Азии⁸.

Б. Андрианов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«Etnografia Polska», т. I, Wrocław, 1958.

В 1958 г. вышел в свет первый том периодического издания «Польская этнография» — печатного органа IV (этнографического) отдела Института истории материальной культуры Польской Академии наук (ИИМК ПАН). Главный редактор издания — проф. Витольд Дыновский. Первый том подготовлен к печати членом редакционной коллегии д-ром Анной Кутшей-Пойнаровой. В небольшой редакционной статье сформулированы основные задачи издания «Польской этнографии»: публикация исследований культуры и быта польских рабочих и крестьян, исследований проблем этногенеза и этнической истории поляков, отчетов о научной деятельности этнографических учреждений страны, рецензий и хроникальных заметок, а также статей по этнографии различных народов мира.

На страницах первого тома «Польской этнографии» подняты интересные дискуссионные вопросы, касающиеся определения крестьянской традиционной культуры и предмета этнографии. Первому вопросу посвящена статья проф. Казимежа Добровольского «Крестьянская традиционная культура» (стр. 19—53), являющаяся частью подготовляемого им обширного труда о теоретических и методологических основах польской этнографии. Статья написана на полевых этнографических материалах, собранных автором преимущественно в южных районах Малой Польши и относящихся к XIX—XX вв. Автор использовал также литературные и архивные источники.

В статье дано определение традиции, под которой К. Добровольский понимает любое культурное наследство, полученное от прошлых поколений. Он считает, что классические традиционные культуры сохраняются у так называемых примитивных народов, не знающих письменности. Эти культуры не испытали большого влияния более высоких культур, и в настоящее время их становится все меньше. По его мнению, в эпоху феодализма в Европе возникли крестьянские традиционные культуры, как результат классовой дифференциации населения. Факторами, благоприятствующими складыванию этих культур в Европе, автор считает занятие земледелием при низком уровне развития производительных сил (натуральное или полунатуральное хозяйство, примитивная техника труда и т. п.) и стабильность населения деревень. Патриархальный строй и тяжелое экономическое положение крестьянских семей способствовали

⁶ С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVI, М., 1957, стр. 7; С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 112.

⁷ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 45.

⁸ См.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 36—37; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 27.

сохранению этих культур. Большое значение в сохранении крестьянской традиционной культуры автор придает магии и религии (боязнь «божьей кары» за нарушение обычаев и т. п.).

К. Добровольский отмечает ограниченность пространственного распространения достижений крестьянской традиционной культуры, в связи с чем создавались характерные для нее локальные различия. Из поколения в поколение передавались прежде всего то, что имело практическое значение (например, сельскохозяйственные орудия, предметы материальной культуры и др.). К специфичным чертам крестьянской традиционной культуры автор относит медленный темп ее развития и консерватизм. Одновременно он отмечает известную однородность общественных институтов и обычаев сельских обществ.

К. Добровольский рассматривает также общественные отношения крестьян: социальную помощь, осознание жителями одной деревни крепкой связи между собой, их антагонизм по отношению к жителям других деревень и т. д. Он пытается проследить зависимость всех областей материальной культуры крестьян, их общественной и семейной жизни от уровня развития производительных сил.

В последнем разделе своей статьи К. Добровольский обращает внимание читателей на связь прогрессивных традиций культуры польских крестьян с классовой борьбой. В этой борьбе формировались идеология крестьян, их понятие морали. В том же разделе рассмотрен процесс разложения традиционной культуры, заметно усилившийся на рубеже XIX и XX вв. и протекающий особенно интенсивно в настоящее время, когда возникает новый культурный облик деревни.

В статье Добровольского содержится много других интересных материалов и выводов, полученных в результате исследования. Но исследовательская база автора (главным образом материалы из южных районов Малой Польши) оказывается иногда слишком узкой для его обобщающих выводов. Это относится, в частности, к выводам о стабилизирующих и перспективных тенденциях, выступающих в истории культуры (стр. 20—21), об ограниченных возможностях устной передачи культурных достижений от поколения к поколению. Остается неясным, каким образом при таких ограниченных возможностях было создано и сохранилось в течение столетий все богатство и своеобразие польской народной культуры. Правильно отмечая отрицательное влияние тяжелого экономического положения польских крестьян на развитие их культуры, автор забывает подчеркнуть, что, несмотря на это, польские крестьяне создали самобытное изобразительное искусство, прекрасные образцы народной поэзии, музыки и танцев. Никак нельзя согласиться с положением автора о том, что неравноправное общественное положение крестьян делало невозможным для них достаточно быстрое создание собственных культурных ценностей (стр. 24).

Несмотря на спорность некоторых положений К. Добровольского, его статья имеет большое теоретическое значение. Содержащееся в ней исследование крестьянской традиционной культуры является ценным вкладом в этнографическую науку.

В рецензируемом томе помещена еще одна статья К. Добровольского — «Пути развития польской этнографии, ее актуальные задачи, методы и связь с другими дисциплинами» (стр. 72—83). Эта статья представляет собой проспект доклада К. Добровольского на конференции, организованной этнографическим отделением ИИМК ПАН 23 апреля 1956 г. в Кракове. На конференции ясно обозначились два основных направления в современной польской этнографии, одно из которых и возглавил Добровольский. Дискуссия развернулась главным образом по вопросу о предмете и задачах этнографии. Результаты дискуссии освещены в статье Эдварда Петрашка «Методологическая конференция этнографов» (стр. 410—431). Э. Петрашек сообщает, что на конференции К. Добровольский привел в своем докладе определение этнографии как исторической науки, которая должна исследовать прежде всего культуру рабочих и крестьян, а также этногенез и этническую историю народов. Он подчеркнул связь этнографии с практическими потребностями общества. Важнейшими задачами полевых исследований являются, по его мнению, изучение современного быта трудового народа и реконструкция его культуры в прошлом. В этих своих положениях К. Добровольский не расходится с советскими этнографами.

Иное определение предмета этнографических исследований предложил на той же конференции ныне покойный проф. Казимеж Мошинский. Этому он посвятил также большую часть напечатанной в рецензируемом томе статьи «Некоторые директивы по вопросам Польского этнографического атласа». По мнению К. Мошинского, этнография — историческая наука, имеющая в отличие от других исторических наук специфические источники и методы исследования. Первоочередной и в то же время конечной целью этнографии он считает установление законов, управляющих развитием культуры. Для этого необходима реконструкция культуры отдельных народов, а затем — истории культуры в целом.

Как пишет Э. Петрашек, К. Мошинский утверждал на конференции, что предметом этнографических исследований является культура всех нецивилизованных народов, а у народов цивилизованных — так называемая народная культура, и прежде всего — крестьянская. Он выступил против изучения этнографами быта городских рабочих, считая, что этим должны заниматься историки, экономисты и социологи.

Возражая К. Мошинскому, К. Добровольский подчеркнул, что если бы даже дело шло о разграничении задач исследования рабочего класса между экономистами,

историками, социологами и этнографами, последним досталась бы обширная область материальной культуры рабочих, их семейного быта, обычаев, традиций, фольклора. Однако практически такое точное разграничение провести невозможно.

Э. Петрашек сообщает далее о выступлении на конференции в Кракове проф. Юзефа Гайка, который отметил, что при определении этнографии как науки участники дискуссии принимали во внимание главным образом специфику исследуемого материала (культура рабочих, крестьян, шляхты и пр.). По мнению же Гайка, этнографию как самостоятельную науку определяют ее задачи: выявление характерных черт народной культуры, племенной культуры и др., выявление черт, отличающих одни человеческие общества от других, а также особенностей культуры, связывающих классы и локальные группы одного народа в некую общность. К. Добровольский возразил Ю. Гайку, что задачи и методы любой науки зависят от предмета ее исследований, а поэтому и этнографию как науку нельзя определить, исходя из ее задач.

Э. Петрашек пишет, что большинство выступивших на конференции этнографов согласилось в основном с определением предмета этнографии и области ее исследований, данным К. Добровольским. Закрывая конференцию, руководитель IV отдела ИИМК ПАН проф. В. Дыновский подчеркнул ее большое значение для развития польской этнографической науки и выразил уверенность в том, что открывшаяся дискуссия будет продолжена.

В рецензируемом томе напечатаны две статьи о Польском этнографическом атласе¹. Об одной из них уже упоминалось. Автор ее, проф. К. Мошинский, утверждает, исходя из своего определения задач этнографии, что Атлас должен служить достоверным пособием для воспроизведения истории культуры народа. Составители Атласа должны ограничиться только картографированием явлений культуры и кратким их объяснением. В другой статье поднят вопрос о разработке текстов Польского этнографического атласа (стр. 68—72). Автор статьи проф. Казимера Завистович-Адамская предлагает помещать в каждом выпуске Атласа введение с точной документацией использованных материалов. В итоге тексты Атласа должны дать представление о польской народной культуре, об ее изменениях, вызванных географическими и историческими факторами.

В специальном разделе первого тома «Польской этнографии» освещены результаты полевых этнографических исследований в разных районах Польши. Большую часть раздела занимают статьи о Верхней Силезии (стр. 85—240)². В статье «Подготовка этнографической монографии о Верхней Силезии» (стр. 85—103) проф. Мечислав Гладыш осветил историю изучения Верхней Силезии со второй половины XIX в. до настоящего времени. В 1954—1955 гг. этнографы проводили под его руководством полевую работу в деревне Старые Селковицы, где живут сейчас рабочие и крестьяне. Кроме Старых Селковиц, этнографы обследовали также 13 соседних деревень. Они изучали историю возникновения поселений, говоры, семью как хозяйственную единицу, земледелие, животноводство, ремесла и домашние промыслы, материальную культуру, обычаи, обряды, народное изобразительное искусство и фольклор. При исследовании всех областей культуры учитывались классовая дифференциация населения и профессиональные различия между его отдельными группами. Много внимания уделено изучению хозяйственной деятельности населения, сделана попытка проследить зависимость развития культуры от изменения социально-экономических условий. Выделены четыре периода социально-экономического и культурного развития села: от раскрепощения крестьян до 1890-х годов; с 1890-х годов до окончания первой мировой войны; с 1918 по 1945 г.; послевоенные годы.

В статье Ежи Шидловского (стр. 103—108) рассказывается о первобытных поселениях в районе Старых Селковиц, следы которых обнаружены при археологических раскопках. Краткие сведения по диалектологии населения этой деревни мы находим в статье Альфреда Зарембы (стр. 109—116).

Интересна статья Дануты Добровольской и Дануты Мырчик-Марковской «Классовая и профессиональная дифференциация жителей деревень Старые и Новые Селковицы» (стр. 117—149). По содержанию эта статья скорее социально-экономическая, чем этнографическая. Однако ее место в будущей монографии вполне законно, так как прослеженные в ней социально-экономические процессы дают возможность понять изменение народной культуры в разные хронологические периоды (1850—1890; 1891—1918, 1918—1945, 1946—1955 гг.). К сожалению, материалы и выводы этой статьи недостаточно учтены авторами других работ по Верхней Силезии, что привело к некоторым противоречиям. Так, Станислав Бронич в статье «Сельское хозяйство в XIX и XX вв. в деревнях Старые и Новые Селковицы» (стр. 150—161) вновь приводит данные о классовом расслоении крестьян, тогда как здесь можно было бы ограничиться ссылкой на упомянутую выше статью Д. Добровольской и Д. Мырчик-Марковской. Только Ирена Низинская в своей статье о ремесле (стр. 162—187) придерживается хронологической периодизации, предложенной М. Гладышем (см. выше) и принятой Д. Добровольской и Д. Мырчик-Марковской при изучении классовой и

¹ Первый выпуск Польского этнографического атласа вышел в свет в 1958 г.

² Об изучении Верхней Силезии см. опубликованную в журнале «Советская этнография» (1959, № 4) статью Д. Добровольской и В. Квасьневича «Этнографические исследования современной культуры краковскими учеными».

профессиональной дифференциации населения Старых и Новых Селковиц. Другие работы построены иначе, что создает известные трудности при прослеживании общего процесса развития культуры.

Результаты исследования народного жилища освещены в статьях Марии Гладышевой «Очерки по развитию народного зодчества в XIX и XX веках в Старых Селковицах» (стр. 200—213) и Людвика Дубеля «Устройство деревенской избы в Старых Селковицах» (стр. 214—200). Авторы ввели в научный оборот оригинальные материалы, характеризующие развитие верхнесилезского крестьянского жилища с середины XIX в. по настоящее время.

В статье Барбары Базелихувны описаны средства передвижения жителей дер. Старые Селковицы (стр. 188—195), а в статье Станислава Бронича — их одежда (стр. 221—225). Календарным обрядам в старых Селковицах посвящена также опубликованная в рецензируемом томе работа Я. Климашевской (стр. 226—231). Там же напечатаны статьи: Марии Мисиньской «Сплав леса в северо-восточных районах Ополья» (стр. 196—199) и Юзефа Лигензы «О трудах по музыкальному фольклору Опольского повета» (стр. 232—239).

На страницах первого тома «Польской этнографии» нашло отражение этнографическое исследование Малой Польши, которое вели две группы краковских этнографов. Одна из них с 1952 г. работала в Подгалье под руководством проф. К. Мошиньского и доцента Ядвиги Климашевской. Как пишет Анна Ковальская-Левицкая в статье «Этнографические исследования в Подгалье» (стр. 240—256), там были собраны материалы в тридцати специально выбранных деревнях и дополнительные сведения в других населенных пунктах. В результате разработки собранных материалов написаны и опубликованы в рецензируемом томе две статьи о ремесле: Анны Замбжицкой «Ремесло в районе Подгалья» (стр. 257—268), Ядвиги Климашевской и Евы Фрысь «Материалы по народному ремеслу в Келецком воеводстве» (стр. 269—275).

Другая группа этнографов, возглавленная проф. К. Добровольским, изучала культуру малопольских рабочих и крестьян в XIX—XX вв.³ Об исследовании развития сельскохозяйственных орудий в малопольской деревне в XIX—XX вв. пишет Владислав Квасьневич (стр. 278—287). По его мнению, изучение сельскохозяйственных орудий имеет большое практическое значение, так как позволяет использовать богатые народные знания по сельскому хозяйству в современной агротехнике и агробиологии. В. Квасьневич утверждает также, что исследование техники крестьянского хозяйства и связанной с ней организации труда в значительной степени будет способствовать рациональному ведению хозяйства в современной деревне. Во всем этом В. Квасьневич видит осуществление марксистского положения о связи науки и практики, толкуя его несколько упрощенно.

На основе полевых материалов, собранных в Малой Польше, написана также статья Д. Добровольской «Горнорабочие соляных копей в Величке и их культура в период 1880—1939 гг.» (стр. 288—314). Д. Добровольская проследила развитие величских копей как промышленного предприятия, прилив на копи рабочей силы из городов и деревень, участие рабочих в производственном процессе и связанное с ним формирование их общественных отношений, материальные условия жизни рабочих. Особое внимание она обратила на материальную и духовную культуру горняков (жилище, одежда, пища, обычаи, фольклор, изобразительное искусство и др.), а также на развитие их классового сознания и участие в рабочем движении.

Широту тематического плана своих исследований Д. Добровольская объясняет необходимостью показать культуру горняков во всем ее многообразии. Но, рассмотрев довольно подробно даже те вопросы, которые не имеют прямого отношения к этнографии (например, дифференциацию рабочих по разным производственным группам и их отношение к управляющим копиям), Д. Добровольская в то же время почти совсем не осветила семейный быт горняков, что, на наш взгляд, является существенным пробелом в ее работе.

Другая статья Д. Добровольской называется «Дома отдыха для трудящихся в народной Польше. Образование новой социалистической культуры» (стр. 315—322). В ней говорится об исследованиях новых форм отдыха трудящихся в Малой Польше. Эти исследования провела в 1949—1950 гг. в домах отдыха Закопане и Татраньской Буковины группа сотрудников кафедры общей этнографии Ягеллонского университета. Работой руководили доктор Андрей Валигурский и магистр Станислав Бронич. В настоящее время подготовлена монография, в которой описано проведение отпуска рабочими в прошлом и в наше время, сообщены результаты интересных наблюдений этнографов среди разных групп отдыхающих рабочих, а также подчеркнута большое значение домов отдыха для формирования новых, социалистических отношений между трудящимися народной Польши. Как видно из приведенного в статье Д. Добровольской краткого изложения содержания монографии, ее тематика несколько выходит за пределы этнографической науки (например, в ней говорится о роли руководителей домов отдыха, об организации там экскурсий и др.).

В рецензируемом томе опубликована статья д-ра Марии Франковской «Работа над этнографической монографией по Великой Польше» (стр. 323—343). Как указывает автор статьи, эту работу начали еще в 1949 г. сотрудники кафедры этнографии Поз-

³ См. Д. Добровольская и В. Квасьневич, Указ. раб

наньского университета под руководством проф. Евгения Франковского. В 1954 г. подготовка монографии была включена в научно-исследовательский план работы организованного тогда Познаньского этнографического отделения ИИМК ПАН. Сейчас на первом месте в подготовке монографии стоят исследования хозяйства и материальной культуры крестьян, их семейного и общественного быта, народного искусства. В статье кратко охарактеризованы земледелие, жилище и одежда великопольских крестьян.

Проф. Мария Знамеровская-Прюффера в своем сообщении, озаглавленном «Из деятельности этнографического коллектива в Торунь» (стр. 344—347), остановилась на подготовке этнографической монографии по куявам. В настоящее время над монографией работают сотрудники Торуньского этнографического отделения ИИМК ПАН, но изучение куявов было начато еще в 1948 г. Торуньским отделом Польского этнографического общества и этнографическим отделом Торуньского музея. Впоследствии были собраны материалы по сельскому хозяйству, ремеслу, рыболовству. С некоторыми итогами изучения крестьянского жилища куявов познакомила читателей Мария Фрычева в статье «Народное зодчество Куявии» (стр. 348—350).

В первом томе «Польской этнографии» помещены статьи, посвященные разным проблемам этнографических исследований, проведенных под руководством д-ра Казимиры Завистович-Адамской. В статье «Труды этнографического коллектива ИИМК ПАН в Лодзи» (стр. 351—356) сообщается, что одной из основных тем, разрабатываемых лодзинскими этнографами, является исследование крестьянской взаимопомощи и организации коллективных работ в форме простой кооперации⁴. Сотрудники Лодзинского этнографического отделения ИИМК ПАН принимают также участие в подготовке Польского этнографического атласа и проводят исследования скотоводства в Подгалье, лесосплава по Висле, рыболовства, скотоводства и др. В рецензируемом томе опубликованы сообщения Брониславы Копчиньской-Яворской о горном скотоводстве в районе Подгалья (стр. 357—360), Марии Мисиньской — о ткацком производстве в деревне Жечица Равско-Мазовецкого уезда (стр. 361—362) и о сплаве леса по р. Пилице (стр. 363), Марии Бернацкой — о деревне Каменьчик, поселении сплавщиков леса (стр. 364—366).

В последнем разделе рецензируемого тома — «Хроника» напечатан некролог проф. Божены Стельмаховской, написанный д-ром А. Кутшебой-Пойнаровой. Б. Стельмаховская занималась преимущественно этнографическим изучением западных и северо-западных районов Польши. С 1946 г. она была профессором университета в Торунь.

В этом же разделе помещена статья проф. В. Дыновского об истории организации и планах научной деятельности IV (этнографического) отдела ИИМК ПАН (стр. 370—379); в других заметках отражены результаты работы отчетно-планирующей конференции IV отдела ИИМК ПАН (Зофия Шифельбейн), конференции сотрудников Польского этнографического атласа (А. Кутшеба-Пойнарова и З. Шифельбейн) и методологической конференции этнографов, о которой уже говорилось выше (Э. Петрашек). Кроме того, в «Хронике» помещен отчет о подготовке Польского этнографического атласа, составленный Зофией Стащакувной. В конце раздела Янины Рудницкой дан именной указатель, включающий всех лиц, упоминаемых в данном томе.

В целом первый том «Польской этнографии» представляет большой научный интерес. Он знакомит читателей с организацией этнографической науки в народной Польше, с основными исследованиями и теоретическими направлениями в современной польской этнографии.

О. Ганцкая

⁴ См. «Prace i Materiały Etnograficzne», т. 8—9, Łódź — Lublin, 1950—1951.